

Т.В. ЧЕРНИКОВА

РОССИЯ В ПЕРИОД ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ВХОЖДЕНИЯ В ЕВРОПУ

ПРОЕКТ ЛИВОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Идея создания в Ливонии вассального королевства во главе с каким-либо западноевропейским правителем являлась уже третьим планом московских властей в поиске компромиссного вхождения земель бывшего Ливонского ордена в Россию. Третий ливонский проект разрабатывался уже без Избранной рады, при значительном участии плененных ливонских дворян. К концу 1560-х годов среди ливонских “немцев” русского царя особо значимыми стали Таубе, Крузе, Фаренсбах, Вахтмейстер. Это были люди энергичные и талантливые, космополиты по взглядам.

О последнем свидетельствует жизненный путь Юргена (Георга) фон Фаренсбаха. На его биографии мы остановимся, чтобы читатель оценил, как причудливо могли переплетаться судьбы конкретных людей, связывая русскую и западноевропейскую историю. Подробности биографии Юргена Фаренсбаха проследил эстонский исследователь Андрес Парве¹.

В европейскую военную историю Юрген Фаренсбах вошел как один из самых талантливых кавалерийских военачальников конца XVI в. В ранней юности, один из восьми сыновей знатного ливонского помещика, он начал самостоятельную жизнь на военной службе за границами Ливонии. К своим 19 годам, когда вернувшийся на родину Юрген угодил в русский плен, он уже успел послужить в наемных армиях Швеции, Франции, Нидерландов и Австрии. В 1570 г. в России его определили в отряд немецкой тяжелой конницы, действовавший против крымских татар. Вскоре Юрген по своей инициативе набрал из ливонских пленников отряд гофлейтов (“дворовых людей”) в несколько тысяч человек и во главе его под верховным начальством М. Воротынского отличился в битве при Молодах, где в 1572 г. был разбит Девлет-Гирей. Эти подвиги молодого ливонца стали известны Ивану Грозному, и русский царь приблизил его к себе.

Далее служба Юргена проходила на полях Ливонии. Он стал сподвижником датского принца Магнуса, русского союзника. В 1575 г. Фаренсбах по рекомендации эзельского наместника Клауса фон Унгерна, сановника принца Магнуса, как знаток русского языка и русских обычаев перешел на датскую службу. В 1577 г. он командовал датским отрядом, который король Фредерик II послал на помощь Данцигу, восставшему против Стефана Батория. В 1579 г. Юрген был уже датским королевским наместником на о. Эзель. Однако в том же году он решил перейти на польскую службу, где и был встречен с распростертыми объятиями королем Речи Посполитой Стефаном Баторием. В качестве командующего тяжелой конницей Батория Фаренсбах участвовал в войне Речи Посполитой против России. Заслуги ливонца были хорошо оплачены. Он стал одним

Окончание. Начало см. № 2 нашего журнала за 2014 г.

¹ Parve A. Jürgen Farensbach (1551/52–1602). Ühe Eestimaa päritolu väepealiku sõjateest. KVÜÕA toimetised 8. 2007. Tartu, 2007.

из крупнейших земельных магнатов Речи Посполитой, владел тремя замками. С Польшей были связаны и его высшие карьерные достижения. В 1583 г. 32-летний Фаренсбах стал инфлянтским гетманом, т.е. наместником всей “польской Ливонии”. В конце 1580-х годов в качестве командира немецкой пехоты, а потом рейтаров Фаренсбах громил войска австрийского эрцгерцога Максимилиана, в конце 1590-х участвовал в походе нового польского короля Сигизмунда III Вазы на Швецию. Погиб Юрген в 1602 г., в ходе отражения шведского натиска на Инфлянты. Сыновья Югена тоже стали видными польскими вельможами.

Потомки братьев и родичей Юргена Фаренбаха осели в Бранденбурге, Чехии и России. В 1613 г. и в 1629 г. на русскую службу последовательно были приняты братья Фаренсбахи, которых русские источники именуют Дмитрием Андреевичем и Иваном Андреевичем Францбековыми. После перехода в православие оба стали русскими дворянами. Первый был видным дипломатом, потом якутским воеводой, много сделавшим для освоения Сибири. Второй служил воеводой в Тотьме, в 1656 г. принял участие в оформлении союзного договора России и Бранденбурга. Российскими офицерами были их дети и внуки, до тех пор пока род Францбековых не прервался в 1725 г. Однако это не означало исчезновения потомков ливонских Фаренсбахов в среде российского дворянства. Еще в середине XV в., поступив на московскую службу, обрусели отпрыски рода Фаренсбахов, ставшие родоначальниками видных московских дворянских родов – Кожиных и Колюбакиных. Возможно, родство с ними сыграло свою роль в быстром возвышении Юргена Фаренсбаха при дворе Ивана Грозного.

Вернемся теперь к ливонскому кружку, предлагавшему Ивану Грозному воссоздать из раздробленной Ливонии единое государственное образование – Ливонское королевство, глава которого будет вассалом русского царя. В дальнейшем этот проект несколько раз менял форму, но суть оставалась прежней.

Первый вариант этого проекта строился вокруг личности бывшего магистра Вильгельма Фюрстенберга, находившегося в России в плену. Иван Грозный выделил ему “на прожиток” городок Любим и отклонил все попытки имперской дипломатии вызволить Фюрстенберга из русского плена. Из сообщений ливонских хронистов и посланий польских дипломатов из Москвы конца 1564 г. следует, что Грозный предложил Фюрстенбергу вернуться на родину и управлять ей по-прежнему, если тот согласится присягнуть московскому царю и его потомкам. По русским источникам, для переговоров об этом Фюрстенберг приезжал в Москву из Любима в 1567 г.

Экс-магистр как вассал русской короны должен был присягнуть не только от себя самого, но и от всех чинов и жителей бывшего Ордена. Согласно польской версии, Москва оговорила пять условий автономии Ливонии: “1) по возвращении в Ливонию Фюрстенберг обязан восстановить все греческие церкви; 2) все главные крепости остаются в руках московских; 3) в совете магистра будут всегда заседать шесть московских чиновников, без которых он не может решать ничего; 4) если магистр будет иметь нужду в войске, то должен обращаться с просьбой о нем только в Москву, а не к другим государствам, разве получит на то согласие царское; 5) по смерти Фюрстенберга царь назначает ему преемника”².

С.М. Соловьев, опиравшийся на ливонские и польские известия, относил составление этого договора к 1564–1565 гг. Современный отечественный исследователь А.А. Зимин в контексте русских документов датировал описываемые события концом 1560-х годов.

Польские источники утверждали, что бывший магистр согласился. Это сильно встревожило Сигизмунда II Августа, но, к счастью для последнего, скоро в Польше узнали, что, собираясь в Ливонию, Фюрстенберг умер. Случилось это в 1568 г. По ливонской версии, старик не пошел на вассалитет, не желая изменять клятве о подданстве Священной Римской империи.

² Цит. по: Соловьев С.М. Соч., кн. III, т. 6. М., 1989, с. 570.

Так или иначе, смерть Фюрстенберга не перечеркнула планы создания в Ливонии вассального Московского государства. В это время все большее влияние на царя начали оказывать Иоган Таубе и Элерт Крузе. По их совету Иван IV решил вести переговоры с двумя другими возможными кандидатами на ливонский престол: ливонцем из знатного вестфальского рода Кетлером и принцем Магнусом, представителем древнего немецкого (ольденбургского и шлезвиг-голлштинского) рода, с XVI в. ставшего и датской королевской династией.

Однако Готгард Кетлер в 1561 г. выбрал своим патроном Сигизмунда II Августа. Что же касается датского принца Магнуса, то его появлению на московской сцене предшествовали попытки договориться о союзе с врагом Дании – Швецией, и поэтому первая рекомендация Магнуса русскому царю в качестве возможного датского посредника в ливонских делах, сделанная еще в 1559 г., осталась без внимания.

Несмотря на захват шведами Ревеля в 1563 г., Москва пошла на перемирие со Швецией сроком на семь лет. В конце 1560-х годов в Стокгольме находилось русское посольство. Старый король Густав Ваза уже умер. На престоле сидел его старший сын Эрик XIV. Трех младшим детям – Юхану (Иоанну), Магнусу и Карлу – Густав Ваза выделил, соответственно, герцогства Финляндское, Остерготландское и Зедерманландское. Братья плохо ладили между собой, но страх быть свергнутыми влиятельной землевладельческой знатью, всегда составлявшей в Швеции первое из четырех сословий, заставлял их жить по принципу: худой мир лучше доброй ссоры.

Сдерживающим фактором служила и угроза внутренней смуты, в результате которой можно было вновь оказаться под датской короной. Однако Сигизмунду II Августу удалось переманить на свою сторону финляндского герцога Юхана. Он отдал ему в жены свою сестру Екатерину Ягеллонку, а за полученную субсидию посулил в залог ряд ливонских владений. Юхан стал убеждать короля Эрика XIV, что польско-шведский союз выгоднее дружбы с Москвой. Эрик не поддался на уговоры младшего брата и велел финским войскам идти на Сигизмунда II Августа. Тогда финляндский герцог восстал, но, осажденный в крепости Або, он через два месяца вынужден был сдаться и оказался в заключении, вместе с женой Екатериной Ягеллонкой, не пожелавшей покинуть супруга.

Высокопоставленные шведские сановники еще до осады Або приговорили Юхана к смерти. Убить брата советовал Эрику XIV и его главный советник Персон. Однако король не решился на это, но выместил злобу, казнив других подданных. Эрик страдал душевной болезнью, которая лишь обострилась от пережитых волнений. Королю везде чудились измены, и “бояробоязнь” он стал напоминать московского царя. Если за 1562 г. в Швеции был вынесен только один смертный приговор, то в 1563 г. казнили уже 50 человек (32 – по делу Юхана), а к октябрю 1567 г. число жертв возросло до 232³.

Конечно, масштабы расправ в Швеции были не сопоставимы с опричными “подвигами” Ивана Грозного, апогеем которых стал зимний (1569–1570 гг.) поход на русский Север, о чем свидетельствуют данные различных источников, собранные А.А. Зимин⁴. Уже в Клину, куда царь прибыл с 15-тысячным отрядом, опричники расправились с 470 торговыми людьми из Пскова и Новгорода, вызванными по государеву приказу. В Твери Иван “приказал грабить все – и церкви, и монастыри, пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами... трупы их спускать под лед в Волгу”. В Торжке убили всех содержавшихся там пленных немцев, поляков и татар. Но все это меркнет по сравнению с тем, что происходило в Новгороде. Число жертв там было огромно. Из современников иностранцев наименьшую цифру привел Джерио – 18 тыс. человек; наибольшую Горсей – 700 тыс. Псковский летописец называет 60 тыс. мужчин, женщин и детей. Немцы-опричники Таубе и Крузе писали о 12 тыс. знатных и 15 тыс. простолюдинов, умерщвленных по царской воле. Курбский утверждал, что за один день Грозный убил 15 тыс. человек, новгородское предание

³ Там же, с. 573.

⁴ См. Зимин А.А. Опричнина. М., 2001, с. 187, 189.

исчислило казненных в первый день в 2770 человек. По Шлихтингу, в Новгороде погибли “2770 из более знатных и богатых, не считая лиц низкопоставленных и беспредельного количества черни”.

Впрочем, жестокость Ивана Грозного не была исключением: во всей Европе эпоха становления централизованных государств являлась временем правителей, скорых на расправу. Итальянский гуманизм не помешал Макиавелли давать советы государям, что казни – эффективное средство воздействия на подданных. В XV–XVI вв. на европейских престолах, как по команде, оказываются кровожадные властители: расчетливые тираны типа Людовика XI Французского, психически неуравновешенные “страдальцы” вроде Генриха VIII Английского, его дочери Марии Кровавой или испанского короля Филиппа II. Правда, никто из коронованных собратьев русского царя не сделал массовый террор против собственных подданных основным средством проведения в жизнь государственной политики, как это сделал Иван Грозный.

Кровавая деспотия, утвердившаяся в русском государстве, оказалась главной причиной срыва русско-шведского союза. Вместо поиска компромисса русские послы, смертельно боявшиеся своего государя, вынуждены были настаивать на его абсурдном требовании – выслать в Москву Екатерину, супругу Юхана. Очевидно, Грозный не мог забыть, как после смерти своей первой жены Анастасии он сватался к Екатерине Ягеллонке и получил отказ. Теперь царь хотел то ли досадить польскому монарху, то ли опять-таки жениться на Екатерине, хотя уже состоял в браке с пятигорской княжной Марией Тмрюковной (ум. в 1569 г.). Чтобы снять требование о высылке Екатерины Ягеллонки в Москву, Эрику пришлось выпустить брата на свободу. Боясь мести Юхана, Эрик окончательно сошел с ума и стал упрашивать московских послов увезти его с собой в Москву, так как “боится он бояр своих и воли ему ни в чем нет”⁵.

29 сентября 1568 г. подданные Эрика действительно восстали. В ходе мятежа были ограблены русские послы. Шведский престол занял Юхан под именем Юхан (Иоанн) III.

Но даже после этого шанс на мир между Россией и Швецией оставался. Юхан III поспешил направить в Россию посольство во главе с Павлом, епископом Абоским. Послы заранее получили гарантии безопасности. Епископ Павел должен был заключить мир и “соседство”. “Братство” со шведским королем Иван IV по-прежнему не признавал. В качестве условий шведы выдвигали требование закрепить за их королевством те земли в Ливонии, которые были ими уже захвачены и которые, как заявляли послы, царь “уступил Эрику”. В ответ Швеция готова была признать за Россией завоеванные ею ливонские области. Это был взаимовыгодный компромисс, но у Московии еще не было ни опыта участия в больших европейских многосторонних конфликтах, ни понимания, что их нельзя выиграть в одиночку.

Несмотря на их “опасные” (охранные) грамоты, прибывших в Новгород 14 ноября 1569 г. шведских послов ограбили. 10 января 1570 г. они были доставлены в Москву, где 1 июня начались переговоры. Русская сторона – И.М. Висковатый и А. Васильев – опять связывали условия мира с прибытием в Россию Екатерины Ягеллонки, теперь уже шведской королевы. Это был прямой, хорошо обдуманный вызов. К тому времени выяснилось, что принц (герцог) Магнус, младший брат датского короля Фредерика II, не прочь согласиться на то, что некогда предлагали Фюрстенбергу и Кетлеру, – стать главой вассального Ливонского королевства. Миссия шведских послов закончилась тем, что в России их задержали, а 12 июня 1570 г. отправили в ссылку в Муром.

Магнус был “найден” при посредничестве все тех же ливонских дворян на русской службе – Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе. Возможно, именно они и подсказали царю саму идею создания буферного Ливонского государства как более приемлемой формы подчинения прибалтийского населения России, тем более что международная конкуренция в борьбе за Ливонию все возрастала. Расчет был сделан на то, что вассальное автономное королевство в отличие от прямого вхождения ливонских земель в Россию будет меньше раздражать окрестные государства, имевшие свои виды на Ливонию.

⁵ Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч., с. 573.

Итак, снова появляется фигура принца Магнуса. “Герцог Магнус, – писал о нем Джером Горсей, фактор (глава) английской Московской компании, – старший сын Христиана, герцога Голштинии, родился до того, как его отец был избран королем Дании, нынешний (датский. – Т. Ч.) король Фредерик родился после, возникшая между ними яростная распря заставила Магнуса обменять свое Голштинское герцогство на остров Эзель с правом на Ригу и Ревель, которое оспаривал шведский король Иоганн (Юхан. – Т. Ч.), а также на многие другие города и крепости в Ливонии, завоеванные русским царем”⁶.

Горсей ошибся. На самом деле Магнус был на шесть лет моложе своего брата Фредерика II, датского короля с 1559 г. И это Фредерик родился в 1534 г., когда шлезвиг-голштинский герцог Кристиан еще не был датским королем Христианом III⁷. В начале правления Фредерика II между ним и Магнусом не было вражды. Оба являлись сторонниками юнионистской политики, желали возродить Кальмарскую унию – вернуть датской короне Швецию и Финляндию. Фредерик II также собирался упрочить связи Дании с родным Шлезвиг-Голштинским герцогством⁸ и распространить датское влияние на часть Ливонии. Поэтому он и предложил брату отказаться в его пользу от завещанного Магнусу отцом Шлезвиг-Голштинского герцогства в обмен на владения епископа Эзельского и Пильтенского Йоханна фон Мюнхаузена.

По секретному соглашению с Мюнхаузеном последний в 1559 г. уступил Фредерику II за 30 тыс. талеров крупный эстляндский остров Эзель (совр. эстонская Саарема) и семь разрозненных территорий в Курляндии, самой значимой из которых был северокурляндский город Пильтен. Мюнхаузен соглашался также на возможность перехода к Дании Ревеля и Риги.

18-летний Магнус принял предложение брата-короля. Если бы их планы осуществились, то Дания превратилась бы в доминирующую силу в Скандинавии и Балтии, а Магнус стал влиятельным монархом. Однако в отличие от брата Магнус не обладал никакими административными, дипломатическими и полководческими талантами. К середине 1560-х годов он утерял контроль над всеми уступленными территориями, кроме Эзеля и небольшого района в Северной Эстонии. Фредерик II не оказывал должной поддержки брату, и Магнус с подачи Таубе и Крузе решил разыграть “русскую карту”, променяв вассалитет по отношению к Дании на вассалитет по отношению к России. О своих планах он Фредерику II, естественно, не сообщал.

К концу 1560-х годов и владелец Эзеля, и датский король стали опасаться притязаний Сигизмунда II Августа и Юхана III на те ливонские земли, которые составляли сферу их интересов, а это давало русской дипломатии большие шансы на создание русско-датского альянса в различных конфигурациях.

Таубе и Крузе списались с датским принцем Магнусом в апреле 1569 г. В сентябре посланцы Магнуса прибыли в Москву. 27 ноября в Александровской слободе им вручили грамоту, содержавшую условия создания Ливонского королевства. Царь торопился в Новгородскую карательную экспедицию, поэтому договорились, что Магнус прибудет в Россию в следующем году⁹.

⁶ Горсей Дж. Путешествие сэра Джерома Горсея. – Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII вв. М., 1991, с. 108.

⁷ Провозглашен королем в изгнании 19 августа 1535 г., официально король Дании с 29 июля 1536 г., Норвегии – с 1 апреля 1537 г.

⁸ Интересно, что все планы династических браков царских дочерей, разрабатываемые русскими царями в XVII в., были связаны именно со шлезвиг-голштинскими герцогами. Шлезвиг-голштинскими герцогами из династии Ольденбургов являлись женихи царевен Ксении Борисовны Годуновой и Ирины Михайловны Романовой. А все российские императоры начиная с внука Петра I – Петра III – по мужской линии, как и датские короли, были потомками родоначальника датской Ольденбургской династии шлезвиг-голштинского герцога Фредерика I, деда Магнуса и Фредерика II. Правил Данией и Норвегией с 1523/1524 по 1533 г.

⁹ См. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. 1. СПб., 1894, с. 535–538; Королюк В.Д. Ливонская война: из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954, с. 70–73.

Союз с Магнусом решили оформить договором и политическим браком Магнуса с представительницей династии московских Рюриковичей. В 1570 г. принц приехал в Москву и был обручен с царской племянницей, дочерью недавно умерщвленного В.А. Старицкого – то ли Евдокией, то ли Евфимией, точно не известно.

Условия вассалитета были таковы: “1) если царь сам выступит в поход и позовет с собой короля Магнуса, то последний обязан привести с собой 1500 конницы и столько же пехоты; если же царь сам не выступит в поход, то и Магнус не обязан выступать; войско Магнусово получает содержание из казны царской; если Магнус поведет свое войско отдельно от царя, то считается выше всех воевод московских; если же Магнус не захочет сам участвовать в походе, то обязан внести в казну царскую за каждого всадника по 3 талера, а за каждого пехотинца – по полтора. Если сам царь лично не ведет своих войск, то Магнус не обязан присылать ни людей, ни денег до тех пор, пока вся Ливония будет совершенно успокоена; 2) если Магнус будет вести войну в Ливонии и царь пришлет туда же московских воевод, то король имеет верховное начальство над войском, советуясь с воеводами; 3) Магнусу, его наследникам и всем жителям Ливонии даруются все прежние права, вольности, суды, обычаи; 4) сохраняют они свою религию аугсбургского исповедания; 5) города ливонские торгуют в московских областях беспоплинно и без всяких зацепок... король Магнус дает путь чистый в московские области всем заморским купцам с всяким товаром, также всяким художникам, ремесленникам и военным людям; 6) если Рига, Ревель и другие города ливонские не признают Магнуса своим королем, то царь обязывается помогать ему против всех городов и против всякого неприятеля; 7) по смерти Магнуса и потомков его преемник избирается по общему согласию всех ливонцев”¹⁰.

Новый проект, как видим, продолжал линию на компромисс, заложенную еще в жалованных грамотах Нарве и Юрьеву (Дерпту). Магнусу предложили вассалитет в западноевропейском духе, а не подданство, утвердившееся в Московском княжестве с середины XV в. Документы из датских архивов содержат информацию, что царь даже намекал на свою готовность объявить Магнуса и его детей наследниками московской короны¹¹. Заметим, что Грозный, часто бывший не в ладах со старшим сыном Иваном, который характером пошел в отца, вполне мог шантажировать царевича таким поворотом событий.

Жителям Ливонии, судя по договору, Москва тоже не собиралась навязывать свои социокультурные образцы. Во внутренней жизни Ливонии Россия соглашалась сохранять статус-кво.

К такой гибкости царя подталкивала международная обстановка. Угроза с юга – со стороны Крыма и Турции – заставляла Россию постоянно воевать на два фронта. Это истощало русские силы, перенапрягало страну. В середине – второй половине XVI в. военная опасность с юга усилилась. К русским делам стал проявлять повышенное внимание турецкий султан Селим II. С одной стороны, это объяснялось расширением в XVI в. османской экспансии в Европу в целом, а с другой – поглощением Россией мусульманских ханств в Поволжье. Султан считал себя преемником халифа, высшим покровителем всех мусульман и решил поучаствовать в восстановлении Астраханского и Казанского царств.

В 1569 г. в Кафу было направлено 17-тысячное турецкое войско, включавшее янычарские части, артиллерию и суда. К счастью для России, крымский хан Девлет-Гирей, опасающийся роста своей зависимости от Стамбула, так провел османов по степным путям, что их войско вымоталось еще до начала боевых действий. К тому же турки тащили корабли и пушки, надеясь спустить их водой до Астрахани по каналу, который следовало прорыть на переволоке между Доном и Волгой. Затея оказалась невыполнимой.

¹⁰ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч., с. 571.

¹¹ Щербачев Ю.Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. 1570–1576 гг. – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1916, кн. 2, с. 33.

Крымский хан расписал союзникам русскую мощь в Астрахани и “прелести” местного климата зимой. В результате османо-татарское войско так и не решилось штурмовать Астрахань. Янычары проигнорировали приказ султана о зимовке под Астраханью, и все вернулись в Кафу, откуда потом уплыли восвояси.

Берега Босфора вскоре посетили два русских посольства: Ивана Новосильцева (январь – сентябрь 1570 г.) и Андрея Кузминского (весна 1571 г.). Москва пыталась помириться с Турцией. Для этого пришлось скрыть русскую крепость, построенную на Тереке, в землях царского тестя, отца его второй жены, кабардинского князя Темрюка, и пообещать, что волжский путь для турецких купцов будет открыт.

Параллельно Москва налаживала дружеские контакты с врагом Османской империи – Персией. В 1569 г. к шаху Тахмаспу I поехал московский гость А.А. Хозников¹². Богатый купец, он часто выполнял государственные поручения. Очевидно, в этой поездке были совмещены и торговые, и политические интересы Москвы. С русским послом в Персию были посланы 100 пушек и 500 пищалей¹³.

Тем временем русские послы в Крыму умело затягивали переговоры, побуждая хана Девлет-Гирея воевать польско-литовские рубежи, а от Москвы довольствоваться умеренными “поминками”¹⁴. Но положение русского посольства в Крыму было не из легких. Отвадив султана от военных авантур в Поволжье, Девлет-Гирей развязал себе руки. Теперь, лавируя между Москвой и Литвой, он мог выбрать время и нанести удар по любой из этих стран, в зависимости от того, чье положение будет наиболее уязвимым или кто больше заплатит за мир.

КРАХ ПРОЕКТА ЛИВОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Как выяснилось вскоре, ливонский король Магнус был полностью беспомощным политиком и полководцем. Он даже не сумел наладить надежный союз с Данией. Фредерик II, быстро понявший двойную игру брата, не собирался с его помощью отдавать России всю Ливонию. Если Иван Грозный думал, что нашел в Магнусе человека, способного решить ливонскую задачу, то он жестоко ошибался.

Держаться на плаву ливонскому королю помогали лишь московские полки. 21 августа 1570 г. принц Магнус уже стоял с 25-тысячным войском под Ревелем. Вместе с ним были царские любимцы – Таубе, Крузе и Вахтмейстер. В полках было много немцев – наемников на русской службе или на службе у Магнуса, а также отряды ливонских дворян и горожан, изъявивших желание поддержать “своего короля”. От Магнуса в Ревель послали проповедника, который должен был склонить горожан к сдаче, но город не сдался. Осада шведского Ревеля продолжалась полгода. Незавидное положение брата побудило Фредерика II заключить в Штеттине 13 декабря 1570 г. мир со Швецией. Это означало, что Россия лишилась единственного европейского союзника.

Таким образом, военная неудача ливонского короля под Ревелем дополнилась дипломатическим провалом. Дания превращалась в конкурента России в Прибалтике. В начале 1575 г. Фредерик II будет уже оспаривать у Ивана IV ливонские крепости Гапсаль, Лоден, Леаль¹⁵.

16 марта 1571 г. русские земские отряды под руководством боярина И.П. Яковлева и опричники во главе с окольничим В.И. Умным-Колычевым отошли в Нарву, Магнус отступил в Оберпален, а ливонские немцы – в Дерпт.

Опричный опыт Таубе, Крузе и Вахтмейстера, обещавших царю и принцу легкую победу и, следовательно, главных ответчиков за постигшую Магнуса неудачу, подска-

¹² Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972, с. 218.

¹³ Соловьев С.М. Указ. соч., с. 585.

¹⁴ Поминки – периодически отправляемые Москвой с начала XVI в. и до конца XVII в. выплаты Крымскому ханству с целью избежать набегов крымских татар на русскую территорию.

¹⁵ См. письмо Ивана IV к Фредерику II от 7 апреля 1575 г. – Щербачев Ю.Н. Указ. соч., № 235, 237, 238.

зывал, что делать им в России больше нечего. В отличие от русских служилых людей, они были далеки от мысли принять мученический венец. Таубе и Крузе списались с польским королем и, получив обнадеживающий ответ, вместе с начальником немецкого гарнизона Юрьева (Дерпта) Розеном организовали заговор. Семьи и имущество заговорщиков были заблаговременно вывезены из города. Люди Розена напали на русских неожиданно, когда те спали после обеда. Выпущенные из тюрем узники активно помогали мятежникам, но большинство дерптских немцев остались глухи к их призывам. Обыватели заперлись по домам, не встав ни на одну, ни на другую сторону.

Дело решили прибывшие из нижнего города русские стрельцы. Они вытеснили мятежников из Дерпта, но, не оценив нейтралитета горожан и считая, что все немцы – изменники, устроили их массовое избиение и грабеж. Русские служилые люди и их предводители не задумывались о политических или военных последствиях таких действий. Они искренне полагали, что, защитив государеву вотчину – Юрьев, заслуживали награду. Воеводы и царь Иван могли лишь порадоваться, что в городе, помимо немецкого, находился еще и русский гарнизон. Реальность оказалась далека от деклараций русско-ливонских договоров и жалованных грамот. Шансы соединения России с Ливонией таяли.

Переход Таубе и Крузе на сторону врага оказался большим ударом для Ивана Грозного. С этого времени его симпатии к немцам сильно поубавились, и он стал относиться к ним с не меньшим подозрением, чем к собственным подданным.

Правительство вернулось к прежнему принципу распределения войск: немцы – на юге, татары – на западе. Если в начале ливонской кампании наметился курс на европеизацию войска, то к ее концу произошла явная ориентализация. Но это нисколько не улучшило ситуацию, скорее, наоборот. Число поражений, которые потерпела Россия, имевшая численное превосходство над противником, только увеличилось.

С конца 1571 г. русские полки и многочисленные татарские отряды начали собираться в Орешке и Дерпте для нового похода в Эстляндию под предводительством самого царя.

Одновременно велись новые переговоры со шведами. Затеяли их для того, чтобы выиграть время. Российская сторона требовала от короля Юхана III отречения от Ливонии, 10 тыс. ефимков за ограбление русских послов в Стокгольме, 200 кавалеристов, снаряженных и обученных на европейский манер, немцев-рудознатцев для русской службы, свободного пропуска в Россию немецких ратных людей, которые хотят служить московскому государю, а также всех нужных Москве товаров – меди, олова, свинца, нефти и т.д. Если же король Юхан захочет союза с Москвой против Дании и Речи Посполитой, заявили переговорщики, то пусть готовит для включения в русское войско 1000 конных и 500 пеших ратников. Чтобы шведской стороне было от чего отказываться, Юхану III предложили согласиться на включение в царский титул упоминания о том, что русский царь еще и шведский правитель, и велели прислать изображение шведского герба для внесения его в герб России. Правда, что касается прежних требований отправить в Москву королеву Екатерину Ягеллонку, то Иван Грозный заявил в свое оправдание, что, дескать, ему сказали, будто Юхан умер, а детей у него нет. Не удивительно, что переписка русского государя со шведским королем через Новгород завершилась “лаем”, т.е. обменом оскорбительными посланиями¹⁶.

К концу 1572 г. 80-тысячное русское войско принялось “пустошить” шведскую Эстонию. Город Виттенштейн взяли штурмом. Здесь погиб царский любимец, опричник Малюта Скуратов. Вероятно, в отместку царь приказал сжечь всех пленных шведов и немцев, захваченных в Виттенштейне. На новое предложение Москвы о мире шведы не пошли. Тогда русские захватили еще два небольших города – Нейгоф и Каркус.

В этой войне Москва сделала для себя неприятное открытие: все столкновения в открытом поле (большие сражения) русская армия проигрывала, несмотря на подавляющий перевес в людской силе. Очередным подтверждением этой “неконкуренто-

¹⁶ Соловьев С.М. Указ. соч., с. 618–619.

способности” московско-татарского средневекового военного искусства стал разгром войск Ивана Грозного у Лоде сравнительно малочисленным отрядом шведского генерала Клауса Акесона Тотта.

Тем временем далеко в тылу случилась страшная беда. В 1571 г. крымский хан неожиданно перешел Оку в трех местах, указанных русскими перебежчиками, и штурм Москвы. Россия чуть не лишилась Астрахани. Перепуганный царь готов был уступить ее Девлет-Гирею, однако хан требовал Казани и в 1572 г. повторил свой набег. К счастью, объединенное земско-опричное войско под началом земского воеводы М.И. Воротынского сумело остановить неприятеля, одержав убедительную победу под Молодами. (Уже на следующий год воевода оказался в опале, был пытан на медленном огне и умер по дороге в ссылку.)

На очередных переговорах со шведами царь стал сговорчивее: уступал королю в праве прямого общения с собой. Между прочими условиями московские дипломаты опять обсуждали вопрос о присылке 200 ратных немцев, но уже для борьбы против Крыма. Стороны ни к чему не пришли, лишь заключили перемирие с 20 июля 1575 г. по 20 июля 1577 г.

После неудач 1571 г. Магнус, как мог, отрешивался от Таубе и прочих. Он подумывал о том, чтобы вернуться на родину, но царь удержал его. Первая невеста Магнуса, дочь Владимира Старицкого, умерла в 1570 или 1571 г.¹⁷ 12 апреля 1573 г. в Новгороде Магнус женился на ее 13-летней сестре Марии¹⁸. Формально альянс царя с его ливонским вассалом продолжался. Но теперь Магнус стал для Ивана IV подручником, наподобие многочисленных крещенных и некрещенных татарских царевичей, ходивших под его рукой. Ориентализацию царских настроений Магнус скоро почувствовал на себе. За Марией Старицкой не дали богатого приданого, кроме нескольких сундуков с ее одеждой и ряда малозаселенных деревень Водской пятины в Новгородском уезде. Из ливонских завоеваний Москвы Магнусу позволили распоряжаться только небольшим эстонским Каркусе, завоеванным русскими в 1572 г. На Ливонское королевство это явно не тянуло.

В начале 1576 г. в ответ на нападение ливонско-литовских сил на Салис в декабре 1575 г. Россия начала очередное наступление в Прибалтике. Прервав перемирие со Швецией до срока, она отвоевала у шведов ливонские крепости Коловер, Гапсаль, Падцу. Принц Магнус взял замок Лемзель. 23 октября 1576 г. 50-тысячное русско-татарское войско направилось к Ревелю. Осада продолжалась с 23 января по 13 марта 1577 г.¹⁹ Здесь опять обнаружилось превосходство военного искусства Запада, особенно военнотехническое.

Современник событий Горсей несколькими годами позже узнал из бесед с русскими и иностранцами, что царь шел на Ревель “с 20 тысячами человек, громил его из

¹⁷ Число детей Старицкого (предположительно их было семь – три сына и четыре дочери), подробности их жизни и смерти точно не известны. Историки не знают, какая из его дочерей была первой невестой Магнуса: Евфимия (1553–1571), дочь Евдокии Нагой, первой жены Старицкого, или Евдокия (1561?–1570), дочь его второй жены – Евдокии Одоевской, двоюродной сестры А. Курбского. В.Б. Гиришберг считал, что первой невестой была Евдокия, умершая 20 ноября 1570 г. См. *Гиришберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. – Нумизматика и эпиграфика, вып. I. М., 1960, № 133, с. 60–61.

¹⁸ *Цветаев Д.* Мария Владимировна и Магнус Датский. – Журнал министерства народного просвещения, 1878, № 3, с. 57–85. Жена принца Мария (1560–1597) являлась дочерью Старицкого от второго брака. Ее старшая родная сестра или близнец, причем тоже Мария, в 1569 г. в возрасте 9–10 лет была отравлена по приказу царя вместе с родителями и двумя родными братьями – шестилетним Юрием (Курбский ошибочно полагал, что погиб Василий) и рожденным в 1569 г. младенцем Иваном. Старший сводный брат жены принца Магнуса, удельный князь Василий Владимирович (1552–1573 гг.), был на ее свадьбе посаженным отцом. – *Панова Т.Д.* Некрополи Московского кремля. М., 2006.

¹⁹ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904, с. 47.

20 пушек”²⁰. С.М. Соловьев установил, что у русских под Ревелем было 22 орудия: 4 стенобитных (вес каменной массы за один выстрел – 225 фунтов, примерно 102 кг)²¹; 3 большие пушки (ядра весом 52–55 фунтов); 6 орудий с ядрами по 20–30 фунтов; 15 орудий с ядрами от 6 до 12 фунтов. К каждому орудию прилагался запас ядер и пороха на 700 выстрелов. В орудийной службе было много немцев. Но осажденный Ревель обладал артиллерией, в пять раз превосходившей русский наряд²². Население Ревельской области (и немецкое, и эстонское) сражалось отважно. Много неприятностей москвитянам доставил отряд эстонских крестьян во главе с сыном ревельского монетного мастера Иво Шенкенбергом, заслужившим прозвище Ганнибал.

Через полтора месяца русские вынуждены были снять осаду. Чтобы компенсировать свою неудачу, они отправились “пустошить” польско-литовскую Ливонию. Парадокс ситуации заключался в том, что, пока они грабили польско-литовскую часть Прибалтики, ревельцы всем скопом, вплоть до нищих и калек, двинулись грабить оставленную без прикрытия русскую Ливонию. Крепости им были не по плечу, но сельская округа пострадала сильно.

У распоряжавшегося в польско-литовской Ливонии гетмана Яна Ходкевича под рукой было всего 4 тыс. человек, и противостоять 30-тысячному русско-татарскому войску не представлялось возможным, тем более что юг Литвы подвергся нападению крымских татар. Ходкевич отвел свои войска. Первой 16 июля 1577 г. русским сдалась крепость Люцен (Лужа) с гарнизоном в 25 человек. Далее за июль – август сдалось еще множество крепостей: Резекне, Динабург, Левдун, Шванебург и др. Полки во главе с Грозным двигались к Кокенгаузену (Куконосу).

Во время похода 1576–1577 гг. Грозный уже открыто срывал зло на Магнусе. Сказывались и привычки деспота, и разочарование в действенности всех компромиссных планов подчинения Прибалтики. Даже воевать в Ливонии ее “король” мог только с разрешения царя, что явно противоречило как здравому смыслу, так и условиям заключенного прежде договора. Магнус стал подумывать о поиске более надежного покровителя. Возможно, именно с этой целью он о чем-то писал Ходкевичу. Его шатание не укрылось от глаз русских наблюдателей. Интересно, что в тайной переписке с Ходкевичем состоял и Иван Грозный. Зачем это нужно было Ходкевичу, не ясно, поскольку после коронации Стефана Батория Грозный уже не имел реальных шансов быть избранным на престол Речи Посполитой. В письмах благоволя к московскому царю, на деле Ходкевич интриговал против него.

С точки зрения Ивана Грозного, Магнус весьма двусмысленно исполнял роль союзника России. Во все города польско-литовской Ливонии он рассылал грамоты, призывавшие открывать ворота войску русского царя, а еще лучше – ему, ливонскому королю, намекая на то, что именно он спасет жителей от разграбления. Многие городки с готовностью сдавались Магнусу. Иллюзия некой ливонской государственности привлекала “лучших людей” – дворян и городской патрициат. Магнус внушал им большее доверие, чем русский царь. Сам же Магнус рассчитывал, что такая сдача без боя заставит Ивана Грозного считаться с его правами ливонского короля. Пока Грозный шел к Кокенгаузену, его жители списались с Магнусом и пустили к себе его слуг. Без единого выстрела принял Магнуса и Венден, имевший сильную крепость с немецким гарнизоном. О своих достижениях Магнус отписал царю, не забыв напомнить и о той роли, которую сыграли его грамоты в занятии русскими и татарскими отрядами 18 ливонских городов.

У царя подобное самоволие вызвало ярость. Он отправил Магнусу оскорбительное послание. “Хочешь брать у нас города – бери: мы здесь от тебя близко, – грозил царь своему вассалу, – ты об этих городах не заботься: их и без тебя берегут. Приставов в

²⁰ Горсей Дж. Указ. соч., с. 101.

²¹ Для сравнения отметим, что самая большая пушка, имевшаяся у турок в 1453 г. при штурме Константинополя, была отлита венгерским мастером и имела вес ядра 1200 фунтов (544 кг). – Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008, с. 167.

²² Соловьев С.М. Указ. соч., с. 623.

твои городки, сколько Бог помощи подаст, пошлем, а деньги у нас – сухари, какие случились. Если не захочешь нас слушать, то мы готовы, а тебе от нас нашу отчину отводить не следовало. Если тебе нечем на Кеси жить, то ступай в свою землю за море, а еще лучше сослать тебя в Казань; если поедешь за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую землю, и без тебя очистим”²³.

К Кокенгаузену был направлен большой отряд во главе с П.И. Татевым, который истребил практически весь гарнизон – за переход на сторону Магнуса. Затем большие силы под предводительством царя подошли к Вендену. Недоумевавшие, испуганные жители обратились к Магнусу с просьбой о посредничестве. Немецкий гарнизон, признавший Магнуса, не собираясь сдаваться русскому царю без обсуждения условий, заперся в крепости. Магнус боялся ехать в царскую ставку, но простые горожане просили его не злить царя, поехать к нему и молить о жалости. В ставке Магнус был тут же схвачен по приказу царя. Узнав об этом, немецкий гарнизон начал обстрел русского лагеря. Одно ядро чуть не убило самого Ивана Грозного. Пообещав истребить всех до единого жителей Вендена, царь принялся штурмовать крепость. Не имея возможности обороняться, 300 горожан из немцев дворянского происхождения, поощряемых духовенством, взорвали себя в западном крыле орденового замка, подложив под комнату, где они закрылись, бочки с порохом. В отношении остальных жителей царь сдержал свое слово. Все они погибли, а их имущество было разграблено.

Принца Магнуса отконвоировали в Дерпт. Впрочем, там его простили, позволили называться ливонским королем, повелели ехать к жене в Каркус и пообещали несколько ливонских городов “в управление”. Однако крах проектов Ливонской автономии был уже очевиден.

В 1577 г. в руках России оказалась основная часть Ливонии к северу от Западной Двины, но без главных городов: без Риги, куда Грозный не решился идти, и без Ревеля, который не сумел взять. Не было русских также и в Курляндии. С отпущенным из плена шляхтичем Полубенским царь поспешил отправить Стефану Баторию, королю Речи Посполитой с 1576 г., предложение мира на условиях перехода к Москве всей Ливонии. Царь надеялся, что внутренние трудности, связанные с непризнанием Батория (до декабря 1577 г.) одним из крупнейших приморских польско-немецких городов Данцигом (Гданьском), а также проблемы, вызванные нашествием крымских татар на юге Литвы, сделают польского короля сговорчивее.

Москва начала лихорадочно обустроить завоеванную часть Прибалтики. Это был уже совсем иной проект, представлявший собой попытку переноса привычных российских социально-экономических и социально-политических отношений в Прибалтику.

Жестокость русско-татарских военных экспедиций 1575–1577 гг. отражена в записках Джерома Горсея. “Ужасны были вопли гибнущих в жестокой резне, пожарах и опустошениях, – сообщает он, – женщин и девушек, обнаженных донага, несмотря на мороз, без жалости избивали, привязывали по три и по четыре к хвостам лошадей и тащили, полумертвых-полуживых, заливая кровью дороги и улицы, полные мертвых тел стариков, женщин, младенцев; среди них были и знатные люди, одетые в бархат, камку и шелк с драгоценностями, золотом и жемчугом на них; люди этого края – красивейший в мире народ, как по своей природе, так и благодаря сухому и холодному климату страны. Бесчисленные толпы этих людей были уведены в Россию. Богатства, взятые деньгами, товарами и другими сокровищами и вывезенные из этой страны, ее городов, а также 600 ограбленных церквей – не поддаются перечислению”²⁴.

Сведения Горсея о массовых миграциях подтверждаются анализом переписки русских воевод и дьяков, находившихся в Ливонии, с Городовым приказом. Видно, что с 1577–1578 гг. усилился процесс вывода ливонского населения в Московию, откуда ехали русские переселенцы. Началась вторая волна раздачи поместий в Прибалтике

²³ Там же, с. 623–624.

²⁴ Горсей Дж. Указ. соч., с. 100–101.

русским служилым людям. “Наделение земель, – пишет А.А. Зимин, – проводилось за счет орденских и епископских владений, перешедших в ходе войны в ведение государственного двора. Одновременно правительство приступило к созданию наместнического аппарата в Ливонии и подчинило в 1577 г. этот край, изобиловавший замками и крепостями, ведению Городового приказа. Большую роль в управлении играли дьяки: в Нарве – И. Андреев (1576–1578), П. Пестов (1580), в Пернове – В. Алексеев (1576–1581) и др.”²⁵

Попытки русификации Ливонии вызвали широкий международный резонанс, крайне невыгодный России. В частности, в 1577 г. в Германии был издан так называемый “Летучий листок”, а через год появились “Ливонская хроника” Балтазара Руссова и “Описание Европейской Сарматии” итальянца на польской службе Александра Гваньини. Главным мотивом этих публицистических памфлетов были ужасы, творимые Иваном Грозным, и страх перед варваризацией русскими ливонских земель, что, предупреждали авторы, несет угрозу всем цивилизованным странам²⁶.

Подобные выводы, безусловно, наложили свой отпечаток на менталитет западноевропейца и отразились в сочинении более позднего автора, немца Конрада Буссова, участника и свидетеля трагических событий гражданской войны в России во времена Смуты. Описывая беспрецедентный погром Москвы, учиненный польским гарнизоном после подавления восстания москвичей 17–19 марта 1611 г., Буссов считает его справедливой местью за ливонские беды. Хотя и называет погром Москвы – “чудовищный разгул, блуд и столь богопротивное житье” поляков и прочих лиц из гарнизона А. Гонсевского – “постыдным”²⁷. Недаром в книге Премудрости, пишет Буссов, говорится, что “чем кто согрешит, тем и наказывается. Несколькими годами раньше они (русские. – Т.Ч.) достаточно проявили свою ужасную жестокость на немцах в Лифляндии грабежом, убийствами, пожарами, разгулом и... обольщением женщин и девушек. Теперь им за это воздано и отплачено сторицею. Если они вывезли из Лифляндии ценностей на 100 тысяч гульденов, то у них забрано больше чем 100 бочек золота. Немногие немецкие пленные женщины и девушки, которым они причинили зло и увели их из Лифляндии в Москву, не могут идти в сравнение с громадным числом стольких тысяч их женщин и девушек, опозоренных и обольщенных поляками. Вред, причиненный России пожарами, так велик, что на опустошенных местах можно вполне поместить четыре или пять Лифляндий”²⁸.

Буссов был одним из тех авторов, кто формировал идейную основу для создания международной изоляции Московского царства в начале XVII в.

Вернемся, однако, в Ливонию конца 1570-х годов. После отъезда Ивана Грозного в Александровскую слободу, а Магнуса – в Каркус, шведы напали на Нарву, поляки взяли Венден.

Не находя для себя достойного места в русской Ливонии, принц Магнус присягнул в 1578 г. Стефану Баторию. Впрочем, каковы бы ни были его прежние замыслы, переход ливонского короля на сторону врага произошел только тогда, когда русская сторона не оставила ему никаких перспектив быть ее вассалом. Роль подручника московского деспота никак не подходила датскому принцу, тем более что стремление царя русифицировать Ливонию не встречало никакого одобрения ни у ее немецкого, да и у коренного

²⁵ Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М., 1986, с. 51. Зимин дает ссылки на следующие работы: Новицкий Г.А. Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны. – Вопросы истории, 1956, № 4, с. 134–138; Буганов В.И. Документы о Ливонской войне. – Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1961; его же. Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов 1577–1578 гг. – Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965; Кашианов С.М. Еще раз о Городовом приказе XVI в. – Вопросы истории, 1963, № 11, с. 211–213.

²⁶ Форстен Г.В. Указ. соч., с. 669.

²⁷ Буссов К. Московская хроника 1584–1613. – Хроники Смутного времени. М., 1998, с. 155.

²⁸ Там же, с. 154.

латышского и эстонского населения. Служба московскому царю сыграла роковую роль в судьбе Магнуса. Он потерял все свое состояние, сподвижников, влияние, скитался и умер в 1583 г. 43 лет от роду в полной нищете. Вдова его была возвращена в Россию²⁹.

ТРУДНОСТИ ОБЩЕНИЯ. РОССИЯ И ЕВРОПА КО ВРЕМЕНИ ОКОНЧАНИЯ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Для России измена Магнуса уже ничего не решала. Враги России, соперничавшие между собой в Ливонии, были единодушны в борьбе против московского царя. Когда осенью 1578 г. русские попытались отбить Венден, поляки напали на них вместе со шведами. По ливонским источникам, русские отступили, потеряв под Венденом треть своего войска – 6022 человека из 18 тыс.³⁰ Датский король, прежде пресекавший все попытки польских каперов мешать “нарвскому плаванью”, после взятия Нарвы шведами в 1581 г. сам задержал в Зунде английские корабли с товарами для России. Товары были реквизированы в пользу датской короны. Фредерик II начал подготовку к тому, чтобы взять под контроль русско-западную торговлю через Северный путь. Вскоре жертвами этого плана стали три голландских корабля.

В 1582 г. при посредничестве папского легата, иезуита Антонио Поссевино Россия заключила Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой. Плюсский мир 1583 г. примирил Россию со Швецией. По обоим договорам Московия уходила из Ливонии и теряла часть собственных территорий в пользу Речи Посполитой и Швеции.

Уже на завершающем этапе Ливонской войны, после краха проекта буферного Ливонского королевства усилилось противостояние русского мира и европейских сил, “вращавшихся” вокруг Прибалтики. Ливонская война не вызвала взаимопроникновения европейской и московской социокультурных систем, скорее, наоборот, между москвитянами и “немцами” возросла антипатия.

Русское государство убедилось в том, что “немцы” ненадежны, а потому компромисс с ними опасен переносом их мятежных привычек в русскую жизнь. Русские служилые люди, участники походов, привыкли видеть в “немцах” врагов или добычу. Русские тяглецы, разоренные поборами и постоем войск, ненавидели ливонских изменников, которые не хотели верой и правдой служить своему “исконному государю”. Хотя Россия в ходе Ливонской войны и укрепилась во мнении о необходимости привлечения на русскую службу как можно большего числа западных специалистов, стремление не допустить их влияния на внутреннюю жизнь русского общества усилилось.

В целом поражение в Ливонской войне нанесло сильный удар по позициям России в европейском пространстве. Дали трещину выстраиваемые в течение последних 100 лет наметки союзнических европейских связей.

Ориентализация русской армии и русской политики в Ливонии на завершающем этапе войны придала картине Ливонской войны, которую запомнил западный наблюдатель, крайне негативный оттенок. В памфлетах Одерборна, Гваньини, записках Горсея и сочинениях других западноевропейских авторов единодушно утверждалось, что “московит”, т.е. русский царь, “и его жестокие, немилосердные татары” обшарили и ограбили Ливонию, “эту богатую страну и ее несчастных людей”. Узнав больше о русских обычаях и государственных порядках, “немецкий” мир лишь укрепился во мнении, что Московия – страна, малопригодная для европейца. А судьба принца Магнуса и его семьи у многих отбила желание искать в России счастья.

²⁹ После смерти Магнуса Мария Старицкая вместе с дочерью Евдокией (1581–1589) содержалась Баторием в Рижском замке практически под арестом, на нищенскую пенсию в 1 тыс. талеров в год. Борис Годунов, боясь, что Мария может быть использована в качестве наследницы русской короны, поручил Горсею вывезти ее в Россию, и тому это каким-то образом удалось. На родине Марию в 1588 г. постригли в инокини под именем Марфа. Вместе с дочерью она жила в Подсосенском монастыре, в семи вестах от Троицко-Сергиева. В 1589 г. Евдокия, дочь Марии и Магнуса, скоропостижно умерла. Иностранцы-современники Горсей и Флетчер утверждали, что смерть ее была неестественной. Дата смерти вдовы Магнуса точно неизвестна, по разным источникам это 1597, 1612, 1614 и 1617 гг. В западных документах фигурирует еще одна дочь Магнуса и Марии – Мария Ольденбург (1580–1597). В русских источниках упоминание о ней отсутствует.

³⁰ Буссов К. Указ. соч., с. 625.